

— Неужели всё так и было? — Лу Чанъань округлил глаза, не в силах поверить услышанному.

В устах его матери Чэнь Цинъянь всегда был тем самым «образцовым ребенком», которого ставили в пример другим. В пять лет он начал обучение, к семи уже знал все иероглифы, в десять — наизусть цитировал Четверокнижие и Пятиканижие, а в четырнадцать уже получил звание туншэна. Его без преувеличения называли вундеркиндом. И вдруг такой человек решается на жульничество на уездном экзамене?..

Заметив его сомнение, Чжан Шицю поспешил добавить:

— Поначалу я и сам не верил. Мы ведь жили с ним в уезде в одной комнате несколько дней. Моё положение вам известно: на отдельные покои денег не было, приходилось ютиться на общих нарах за десять вэней в сутки.

— Не стоит судить героя по его происхождению, — утешил его Лу Чанъань. — Брат Шицю, не принимай это близко к сердцу.

— Благодарю за понимание. Тогда Чэнь Цинъянь говорил то же самое. Он сам предложил мне перебраться к нему, а я, стремясь к тишине для занятий, с радостью согласился.

Собеседник сделал многозначительную паузу и продолжил:

— Я думал, он помогает мне от чистого сердца, но вскоре понял, как ошибался. Он лишь хотел подчеркнуть своё превосходство. Постоянно хвастался дорогой хуэйчжоуской тушью, которую я и в глаза не видел, отдавал мне свои старые кисти с таким видом, будто совершает великое милосердие. Но самое возмутительное случилось потом: он потерял брусок туши и обвинил в краже меня!

— Как он мог! — юноша едва не задохнулся от возмущения. Раньше он мало общался с Чэнь Цинъянем, зная лишь о его нелюдом нраве, но и представить не мог, что тот скрывает столь гнилую душу.

Чжан Шицю притворно всхлипнул:

— В тот момент я чувствовал себя совершенно беспомощным. Мечтал съехать как можно скорее, но боялся его мести. Пришлось до самых экзаменов ходить перед ним на цыпочках, а после мы разошлись в разные стороны и больше не виделись. Кто бы знал, что, вернувшись, я снова встречу его на диспуте у друзей! Я поприветствовал его со всей душой, а он вдруг начал поносить меня последними словами. Кричал, будто это я спрятал шпаргалку в его кисть и лишил его будущего. Даже ударил меня! Я в гневе швырнул в него чашку, не рассчитав силы и проломил ему голову...

Лу Чанъань с силой ударил ладонью по столу:

— Это переходит все границы! Я поговорю с матушкой, пусть она больше не знает с этой семейкой!

Торжествующую улыбку становилось всё труднее подавлять. Чжан Шицю прекрасно знал, что его приятель — человек недалекий и импульсивный, зато всегда горой стоит за друзей, да и знакомств у него полгорода. С такой «помощью» репутация Чэнь Цинъяня в городке Циншуй вскоре будет втоптана в грязь, и бедняга побоится нос на улицу высунуть.

От радостных мыслей он чуть было не рассмеялся в голос, но вовремя прикрыл рот ладонью, изображая скорбь:

— Я не хотел вражды. Его семья — богатые землевладельцы, говорят, у него и дядя какой-то чин занимает... Вдруг они решат отомстить?

— Не бойся, я беру это на себя. Не позволю тебе пострадать без вины!

— Тогда Шицю от всего сердца благодарит брата Лу!

— Оставь эти церемонии, мы ведь как родные братья.

Они проболтали до самых сумерек. Хозяин дома уговаривал гостя остаться на ночь, чтобы продолжить беседу при свечах, но Чжан Шицю наотрез отказался: его нижнее белье от долгой носки уже так пожелтело, что он постеснялся бы раздеваться в чужом доме.

Уже уходя, он как бы невзначай обронил:

— Чай у тебя отменный, брат Лу. Даже я, человек простой, почувствовал разницу.

— Совсем из головы вылетело! — спохватился Чанъань. — А-Фу, собери господину Чжану сверток такого же чая с собой.

— Что вы, не стоит, я лишь к слову сказал.

— Бери-бери, пустяки.

Принимая подарок с напускной скромностью, Чжан Шицю вышел за ворота и только тогда дал волю чувствам, разразившись хохотом.

«До чего же глуп этот Лу Чанъань! Верит каждому слову, точно безмозглый боров»

Подкинув на ладони сверток с чаем, он в приподнятом настроении направился к городской ломбардной лавке. Однако там его ждало разочарование: за элитный чай предложили всего семьдесят вэней — куда меньше, чем он рассчитывал.

— Это же лучший «маоцзянь» с юга! Он бешеных денег стоит! — возмутился Шицю.

— Насколько бы дорогим он ни был, это всего лишь чай, — лениво отозвался приказчик. — Много ли в нашем городке найдется чудаков, готовых тратить на него такие суммы? А те, кто может себе это позволить, в ломбард за чаем не ходят.

— Семьдесят вэней — это грабеж! Давай хоть сто!

Приказчик лишь махнул рукой:

— Тогда забирай и пей сам.

Делать было нечего, и Чжан Шицю неохотно согласился:

— Ладно, семьдесят так семьдесят.

Когда он вышел из лавки, город уже окутала ночная тьма. Он привычно зашагал к дому. Семья его жила в западной части города, в одном из узких переулков, где теснились семь-восемь бедных дворов. Экономя на масле для светильников, люди рано ложились спать, и по ночам здесь царила непроглядная темень.

Спотыкаясь на каждом шагу, он добрался до своих дверей. Но стоило ему потянуться к замку, как из тени раздался голос:

— Господин сюцай Чжан?

— Да, это я. А вы кто?

Не успел он разглядеть незнакомца, как на голову ему накинули плотный мешок. Раздалось два глухих удара, и ноги пронзила невыносимая, острая боль.

— А-а-а! — в ужасе закричал Чжан Шицю и тут же лишился чувств.

Тот человек наступил сапогом на его голень и, убедившись, что кость сломана, стремительно растворился в ночи.

Наступило двадцать восьмое число двенадцатого месяца. До Нового года оставалось всего два дня.

Все праздничные закупки в семье Чэнь были завершены. С приездом тетушки и двух племянников запасов требовалось куда больше, чем обычно. Ван Ин специально велел забить двух свиней и барана, планируя устроить для детей настоящий пир с жареным мясом на углях.

Госпожа Ли и Чэнь Жун тоже не сидели без дела. Тетушка собственноручно сшила новые наряды для Чэнь Цинъяня и Ван Ина. Ее мастерство славилось еще до замужества: швы были безупречно ровными, а фасоны — изысканными.

У госпожи Ли к рукоделию душа не лежала, поэтому она просто заказала в лавке готовую одежду для Линь Цю и Линь Суя, а также для Цинъюнь и Цинсуна. Сроки поджимали, и Чэнь Жун решила, что весенние обновы для младших сошьет уже после праздников.

Сегодня из лавки как раз доставили готовые наряды, и госпожа Ли велела всем собраться в передней части дома для примерки.

Для Ван Ина тетушка сшила халат из нежно-голубого атласа. Эту ткань она берегла еще со своей свадьбы и всё никак не решалась использовать. Цвет был капризный: на людях со смуглой кожей он смотрелся тускло, подчеркивая все недостатки.

Линь Цю и Линь Суй были не из смуглых, но до Ван Ина им было далеко. Кожа Ин-эра имела тот редкий холодный фарфоровый оттенок, который не менялся, сколько бы времени он ни проводил на солнце — стоило лишь немного отдохнуть, и былая белизна возвращалась.

Когда юноша переоделся и вышел к домочадцам, все ахнули. Он стоял перед ними, точно изваяние из драгоценного нефрита — глаз не отвести!

Чэнь Жун всплеснула руками:

— Я же говорила, что этот отрез только Ин-эру и подойдет! На ком другом и в половину так бы не смотрелось.

Ван Ин, чувствуя непривычную неловкость в обновке, осторожно коснулся гладкой ткани:

— Такая дорогая вещь... Жалко же на меня тратить. В лавке ведь постоянно работаю, когда мне такую красоту носить?

— Ничего не жалко! — горячо возразила тетушка. — Одежду шьют, чтобы ее носили. Твоя радость для меня — лучшая награда.

— Конечно, мне очень нравится!

Чэнь Жун расплылась в улыбке и подала другой халат — темно-синий, цвета индиго — Чэнь Цинъюню. Мужской наряд свободного кроя подчеркивал его статность, а из-за того, что за последние дни племянник немного осунулся, в нем появилось нечто одухотворенное, почти неземное. Ван Ин смотрел на него, не отрываясь.

— Спасибо, тетушка. Наряд замечательный.

Дети тоже примерили обновки. Не зря говорят: «Человека красит одежда, а коня — седло» — все сразу приободрились и посвежели.

Госпожа Ли ласково погладила по головам Линь Суя и Цинъюнь:

— Дети у нас в семье один краше другого. Счастье же какому-то молодцу привалит.

Младшие залились румянцем. Обоим после Нового года должно было исполниться по тринадцать лет — в эти времена в таком возрасте уже начинают присматривать пару, чтобы к шестнадцати сыграть свадьбу.

Чэнь Жун, глядя на старшего сына, невольно вздохнула. Линь Цю скоро семнадцать, а о помолвке и речи нет. Если и дальше тянуть — всех достойных женихов разберут...

Госпожа Ли, заметив ее печаль, подмигнула:

— Я тут на днях в гостях была, разузнала про пару семей. После праздников сходим, посмотримся.

— Ох, матушка...

В дверях показался Линьцзы:

— Хозяйка, там человек пришел, говорит — подарки к празднику привез.

— Неужели от четвертого дяди? — удивилась госпожа Ли. — Обычно из Лайчжоу только к пятому числу довозят, а в этом году как рано.

Все вышли на крыльцо. У ворот стоял рослый молодой мужчина. На нем был длинный темно-коричневый халат, а голову венчала богатая шапка из меха соболя. Увидев хозяев, он поспешно снял головной убор и низко поклонился.

— Цао Кунь приветствует почтенных дам и господ.

— Господин Цао? — у Ван Ина едва глаза на лоб не полезли. Человек перед ними сбрил бороду и выглядел так, будто его подменили.

— Лавочник Ван, с наступающим праздником!

Цао Кунь велел своим ребятам разгружать телегу: половина свиной туши, восемь коробок со сладостями, десять цзиней белого сахара... Всё это тянуло гуаней на четыре или пять, не меньше!

Ван Ин, не понимая, к чему такая щедрость, подошел к нему и негромко спросил:

— К чему всё это, господин Цао? Мы ведь не в таких близких отношениях, чтобы подарками обмениваться.

— Что вы такое говорите, лавочник Ван! Я благодаря вам немало заработал, так что почесть воздать — мой долг.

Госпожа Ли поинтересовалась:

— Ин-эр, кто это?

— Наш постоянный покупатель, решил засвидетельствовать почтение.

— Так зови гостя в дом, негоже на холоде стоять.

Чэнь Цинъянь проводил их в переднюю залу. Как только они остались втроем, Ван Ин спросил в лоб:

— Ты из-за моего брата пришел?

— Остер же у вас глаз, лавочник Ван!

«Так и знал, что этот лис не просто так хвостом метет»

— Вы виделись-то всего пару раз, друг друга совсем не знаете. Не слишком ли ты торопишься?

Цао Кунь, подготовившись заранее, выложил на стол свиток со своей родословной:

— Мне двадцать четыре года, не женат. Братьев и сестер нет, из родни только матушка, да и та на здоровье не жалуется. За годы странствий скопил небольшое состояние, в уездном городе у меня своя лавка. Как женюсь — всё дело в его руки передам.

Чэнь Цинъянь и Ван Ин переглянулись. Подобная прямолинейность на миг лишила их дара речи.

— А про моего брата ты что знаешь?

Гость серьезно кивнул:

— Знаю, что был помолвлен, да жених помер. Что отец его хотел за Фан Шэня выдать ради лавки, но госпожа Чэнь вовремя одумалась и увезла детей в Циншуй.

«Да он не просто разузнал, он под него подкоп сделал»

Чэнь Цинъянь произнес:

— Раз ты всё ведаешь, то должен понимать: тетушка так просто сына не отдаст. Если намерения твои тверды — присылай почтенную сваху.

Цао Кунь только этого и ждал. Он с чувством сложил руки в приветствии:

— Не сомневайтесь, брат Цинъянь! После праздников сразу зашлю сватов!

Ну и наглец — еще конь не валялся, а уже «братом» величает.

Когда гость ушел, Ван Ин пересказал всё Чэнь Жун и госпоже Ли. Те слушали, раскрыв рты от изумления.

— Он пришел просить руки Цю-эра?

Ван Ин подтвердил:

— Мы встречались в уезде, когда Цю возил товары в гильдию. Потом, когда брат был ранен, они снова виделись в лечебнице — ту мазь именно он дал.

Чэнь Жун засомневалась:

— Он ведь много старше Цю, почему до сих пор не женат?

Ван Ин и сам об этом спросил.

— Семья его жила в большой нужде, отец рано умер, матушка одна его тянула. В шестнадцать он пошел в носильщики, мотался по всей стране — тут уж не до женитьбы было. А как стал вторым хозяином гильдии, дела и вовсе закрутили. Вот и засиделся в холостяках.

Госпожа Ли задумчиво произнесла:

— Если всё так, как он говорит, то партия и впрямь неплохая.

Но Чэнь Жун всё еще терзалась сомнениями — горький опыт с Линь Чанбином оставил в ее душе глубокий след. Больше всего она боялась, что ее ошибка снова погубит жизнь сына.

— Не тревожьтесь, тетушка. У меня с Цао Кунем дела общие, человек он, кажется, надежный. Но мы всё равно разузнаем о нем побольше, прежде чем давать ответ. Время терпит.

— Твоя правда, — сердце Чэнь Жун немного успокоилось.

Выйдя во двор, Ван Ин принялся распоряжаться рабочими, чтобы те уносили подарки в кладовую. Дядя Чэнь подошел к нему и тихо шепнул на ухо:

— Молодой господин, серебро передано.

— Всё исполнено?

— В лучшем виде.

— Дядя Чэнь... не считаете ли вы, что я поступил слишком жестоко?

Старик порывисто возразил:

— Что вы! Из-за него наш барин лишился возможности сдавать экзамены! Сломанная нога для такого подлеца — малая плата.

— Ладно. Об этом — ни слова. Сделаем вид, будто ничего не знаем.

— Слушаюсь.